

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Подольского Вадима Андреевича

"Особенности обоснования социальной политики в английской консервативной мысли XIX века",

представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история
и методология политической науки

Диссертационная работа В.А. Подольского представляет собой самостоятельное и завершённое исследование по проблеме генезиса консерватизма как самобытного направления политической мысли, которое оказало и оказывает ныне заметное влияние на возникновение, становление и эволюцию многообразных национальных институтов социальной политики, но утрачивает свою глубину сразу же, как разрывает связь с национальными корнями и традициями. В этом случае консерватизм превращается в выхолощенную теоретическую схему, способную, тем не менее, покорить сознание миллионов потенциальных адептов, что и делает консерватизм идеологией, а саму идеологию – основным инструментом борьбы за власть и ресурсы. Большинство авторов не различает этого незаметного превращения, и даже опытные специалисты обычно не фиксируют внимания на том, как препарированная и адаптированная консервативная мысль сливается с политическим императивом, облекается в форму политической доктрины, рядоположенной с конкурирующими или сосуществующими партийно-политическими идеологиями, в том числе различными версиями либерализма и социализма. За каждой из таких идеологий, выполняющих функции проектов мирового переустройства, стоят не традиция и тем более не истина, а интересы – социальные, имущественные и политические, личные, групповые и классовые, что и заставляет всякий раз повторять известное изречение о «ложном сознании».

Оценивая проделанную работу, отмечу ее важную особенность: вышеизложенная позиция в целом согласуется с выводами, которые делает автор на основании своего анализа наследия английских мыслителей-консерваторов, которые, по сути, и оказали наиболее заметное воздействие на формирование союза между консервативной теорией и консервативной политикой. Разумеется, эта особенность во многом обусловлена укладом жизни Британии и менталитетом ее граждан. Уже на этапе постановки вопроса о генезисе и инвариантных характеристиках консерватизма (второй параграф первой главы) автор вполне обоснованно выделяет одно из самых глубоких наблюдений Юма (из его эссе "О первоначальном договоре"). Юм

чрезвычайно тонко вскрывает сам механизм поэтапного превращения «идеи изначального договора, определенного прошлым опытом и средой», в идеологию. Согласно его точке зрения, в этом случае идея договора становится, по сути, «философским суеверием», которое претендует на то, чтобы заместить собой место религиозных идей. Именно это и предопределяет, по определению Юма, «скептическое отношение к политическим схемам и тому, что впоследствии состоялось как "идеологии", а также понимание искусства политики как сохранения и поддержания или исправления опробованных установлений»¹.

Это умозаключение, принципиально важное для понимания темы, представляется особенно ценным в методологическом плане для анализа связи консервативной теории и социальной политики, получает короткое, но емкое обоснование в диссертации. Автор опирается при этом на известную позицию, согласно которой само возникновение консерватизма как более или менее выраженного интеллектуального течения стало возможным как реакция на события Французской революции 1789 года. При этом, ссылаясь на современного британского консерватора Д.Дэвиса, автор делает совершенно обоснованный вывод о том, что подлинный консерватизм не приемлет идеологий и масштабных схем переустройства общества по абстрактным, неопробованным принципам, хотя в современном мире воспринимается именно как политическая идеология. Последнее понятно, поскольку, как уже говорилось, борьба идеологий – условие защиты интересов и важнейший гарант поддержания институтов политической демократии. Но само различие и противопоставление современных идеологий, имеющих лишь отдаленную связь с породившими их теориями, становится весьма условным. К примеру, под консерватизмом зачастую понимают не что иное, как «социально ориентированный либерализм». Эта интерпретация, как правильно подмечает автор, особенно характерна для американского «политикума» и политического дискурса, но получило широкое распространение повсеместно в силу заметного тренда, неудачно названного становлением «однополярного мира».

К сожалению, эта тема (противопоставление консерватизма как жизненной и теоретической установки господствующим политическим идеологиям) не получила в диссертационной работе сколько-нибудь заметного развития, хотя могла бы стать сквозной и более чем продуктивной именно применительно к английскому традиционализму. Думается, эта особенность во многом выделяет плеяду английских консерваторов периода становления основных школ консерватизма в XIX веке на фоне

¹ *Livingston D. David Hume and the Conservative Tradition // Intercollegiate Review, vol. 44, № 2, Fall 2009*

общеευропейских тенденций и, пожалуй, в какой-то степени объясняет некоторые общие характеристики английской консервативной мысли и интеллектуального поиска ряда русских мыслителей консервативного толка конца XIX – начала XX веков.

С другой стороны, отказ автора от развития этой темы можно понять, поскольку в данном случае ему пришлось бы вступить в дискуссию с методологической установкой, доминирующей в современной политологии, в том числе и отечественной (ее крайнее выражение – попытка представить консерватизм как «безальтернативную идеологию», противостоящую всем «ложным великим учениям»). А подобные дискуссии, как известно, далеко не всегда приветствуются при защите квалификационной работы. Еще одно «оправдание» отказа от этой исследовательской линии заключается в том, что не все английские мыслители-консерваторы придерживались подобной установки. В частности, автор, оценивая взгляды Э. Берка, говорит о нем как об основоположнике консерватизма, ставшего самостоятельным интеллектуальным течением и одновременно консервативной идеологией, поскольку сам Берк при трактовке консерватизма делал акцент на политическом процессе, в рамках которого предпочтение отдается постепенным, поэтапным реформам, призванным сберечь накопленный опыт, сохранить общество и государство.

Структура диссертационной работы дает четкое представление об общей направленности исследования и центральных проблемах, в числе которых взаимное влияние консервативной мысли в Англии и реального процесса зарождения и становления различных моделей государственной и негосударственной социальной политики в европейских странах и США с учетом исторической перспективы и современных реалий. Детальная проработка подразделов свидетельствует о той тщательности, с которой представлен обзор и анализ основных концепций, школ и учений в науке и политическом дискурсе, имеющих отношение к обоснованию социальной политики и оказавших влияние на становление соответствующих политических доктрин и моделей государственного устройства. Общая и вполне корректная постановка задач и контуры их решения содержатся в концептуально выверенном «Введении» и в первой главе.

Однако необычное, даже интригующее, название этой главы «(1789-1832)» вряд ли можно признать удачным применительно жанру диссертационной работы, а кроме того, оно отчасти и дезориентирует читателя, поскольку именно в этой главе сконцентрировано теоретическое ядро исследования и излагаются взгляды самого автора. Речь идет о первых двух параграфах – «История и теория социальной политики» и «История и теории консерватизма», которые составляют единое целое и по замыслу, и по

результату его реализации. Собственно, именно здесь автор предлагает свою версию систематизации различных представлений о содержании и эволюции консерватизма и социальной политики – этих базовых концептов публичной политики и политической теории с углубленным анализом того уникального вклада, который характеризует политическую мысль Англии XIX века.

Думаю, что в целом автор успешно справился с этой задачей, насколько позволял объем основной части первой главы. Спорным представляется включение именно в эту главу третьего параграфа «Этика социальной политики в первой трети XIX века (Берк, Каннинг, Вордсворт, Колридж, Саути)». Единственное, что объединяет все три параграфа – уже отмеченное общее название, отсылающее к временному периоду. Во всем остальном заключающий параграф по жанру (обзор, анализ и концептуальная реконструкция авторских концепций и школ) ближе ко второй и третьей главам. Однако, говоря о «смещении жанров» (с одной стороны, политической аналитики, связывающей современность с истоками теоретической и политической традиции, а с другой – прилежной работы над источниками), можно сделать вывод о том, что с учетом заявленной темы подобная эклектика оправдана. В данном случае сам выбор объекта исследования требует совмещения разных исследовательских задач, что и придает диссертационной работе некоторую дополнительную методологическую новизну.

Акцентируя внимание на содержательных замечаниях, которые можно было бы предъявить автору диссертации, следовало бы особо отметить не столько погрешности в построении работы и значительный «перевес» описательной части над собственно научно-аналитической, сколько упрощенное толкование концепции социального государства (§1.1 «История и теория социальной политики»). Это замечание представляется важным, так как сама эта проблема с послевоенной эпохи постоянно служит полем научных и политических дискуссий, приобретающих исключительную остроту сегодня, когда уже не существует блока социалистических государств и намечается явная тенденция к ревизии и даже демонтажу самого базового принципа социального государства в рамках ЕС. В пользу этой тенденции свидетельствует и явная неспособность Европейского Союза справиться с нынешней миграционной волной, поставившей под вопрос как сохранение базовых социальных гарантий, так и наличие ресурсов для выполнения конституционных обязательств, и всю систему обоснования принципа социального государства, из которого незаметно исчезла идея справедливости в ее традиционно-европейском толковании.

Диссертант в целом дает объективную картину становления общих представлений о социальном государстве, углубляясь в историю вопроса, но

не замечает главного. За полем исследования остался не сам момент (это как раз отмечено), а политическая логика, которая привела к превращению отвлеченной идеи, а также институционализированной идеи (реальные институты национальной социальной политики сложились в большинстве европейских стран еще к началу XX века) в базовый конституционный принцип. А раскрытие этой логики многое поясняет, в том числе и в позиции консерваторов, поскольку в результате победы над германским нацизмом и возникновения социалистического блока государств качественно изменился облик большей части европейских стран и курс их совместного развития. Соответственно, из поля зрения выпадает и геополитический контекст, и внутренняя расстановка сил, предопределившие политический выбор Европы на длительную перспективу.

Речь должна была бы идти, по нашему мнению, о конкуренции двух противоборствующих политических систем в послевоенный период, в условиях формирования относительно устойчивого «биполярного мира», а также о роли социалистической идеологии в западной политической науке и массовом сознании европейцев. Эти и многие другие факторы поставили ведущие европейские страны перед жесткой необходимостью качественного изменения политической системы в пользу социалистической модели перераспределения и контроля за уровнем «социального расслоения».

При этом следует отметить, что диссертант замечает некоторые принципиальные отличия английской социальной политики, которой с самого начала были чужды подобные этатистские практики социального переустройства всей государственной машины европейских стран, а позднее и всего Европейского сообщества (в основном по немецкому образцу). И действительно, в Соединенном Королевстве, как подчеркивает диссертант, всегда «доминировали полностью противоположные принципы – самоорганизация в социальной политике, ее локализованность и добровольность».

К явным достоинствам диссертации можно отнести полноту охвата представителей консервативной мысли, однако проведенное исследование несомненно выиграло бы в том случае, если бы автор обратил большее внимание на сопоставление методов борьбы различных школ и идеологий в Британии и в других странах, например в США, к примеру, сопоставил бы методы борьбы британских виггов с либералами с американским опытом противостояния консерваторов и либералов. К примеру, Р.Пиля и Дж.Каннинга можно было бы противопоставить южанам-плантаторам Дж.Рэндольфу и Дж.Калхуну, а Р.Саути и Т.Карлейля можно сравнить с апологетами и ценителями древности О.Браунсоном и Г.Адамсом, С.Т.Колриджа и Дж.Рескина – с гуманистами П.Э.Мором и И.Бэббитом,

Дж.Ф.Стивена – со скептиком Дж.Сантаяной, так же можно было бы упомянуть о взглядах неоконсерватора И.Кристола и философа Л.Штрауса. Немецкие и французские авторы в тексте упомянуты, но бегло, а отечественные консерваторы даже не названы.

Говоря о недочетах работы, следует еще раз повторить, что они во многом объясняются выбором предметной области и, скорее всего, легко могут быть преодолены в дальнейшем. Сделанные замечания не снижают общей высокой оценки работы. Диссертация является целостным, творческим и самостоятельным научным исследованием актуальной проблемы. Сделанные автором выводы и рекомендации представляются вполне убедительными.

Автореферат отражает содержание диссертационного исследования.

Диссертация Подольского В.А. на соискание ученой степени кандидата политических наук соответствует требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам. Результаты исследования имеют значение для современной политической теории и практики, что соответствует требованиям п.7 "Положения о порядке присуждения ученых степеней", а автор диссертации заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки.

Официальный оппонент

Доктор философских наук, профессор
кафедры философии политики и права
философского факультета Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова

 Расторгуев
Валерий Николаевич

Почтовый адрес кафедры: 119991, ГСП-1,
Москва, Ленинские горы, Московский
государственный университет имени М.В.
Ломоносова, учебный корпус «Шуваловский»,
философский факультет
Электронная почта кафедры:
fpp@philos.msu.ru
Телефон кафедры: +7(495) 939-24-42